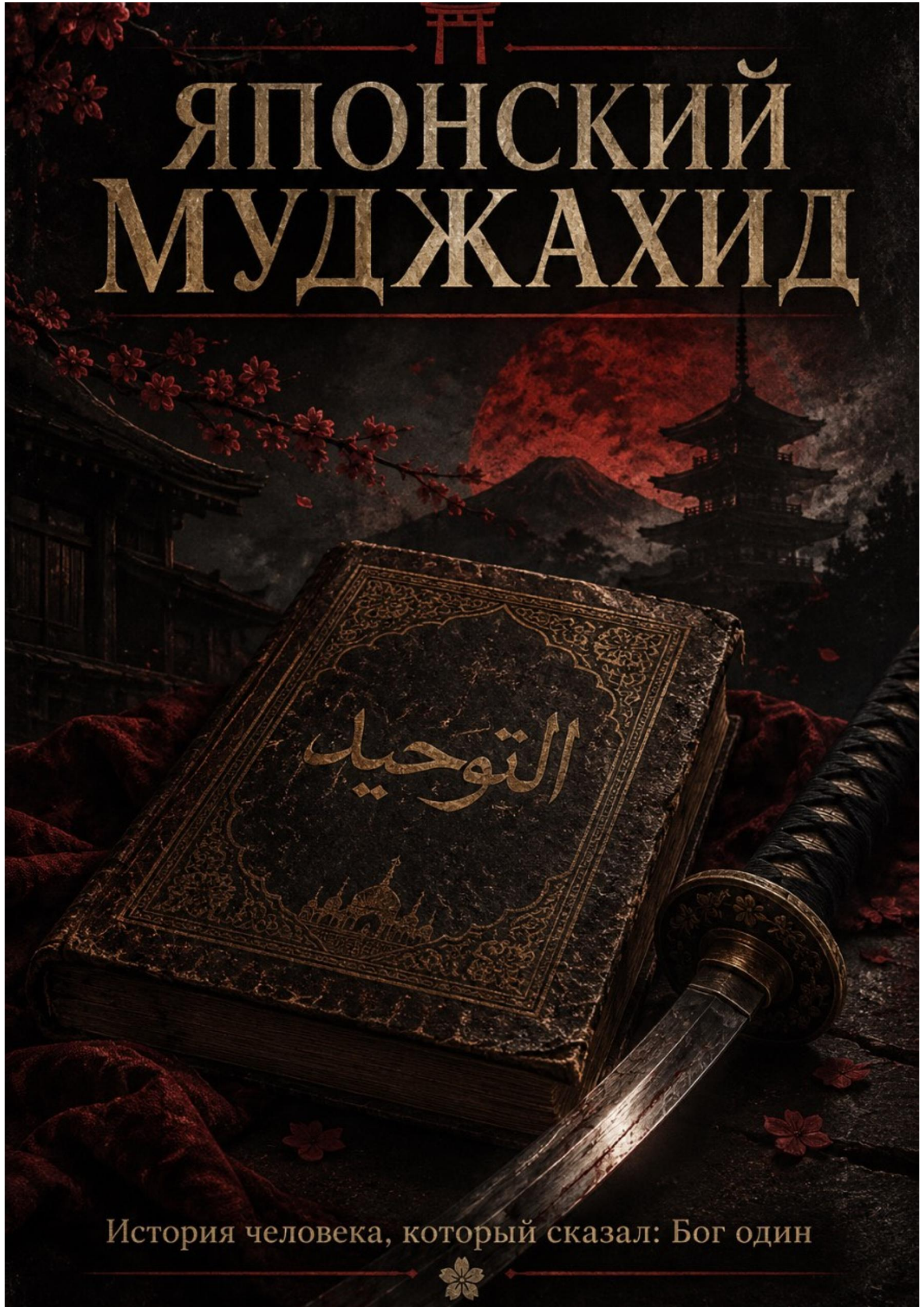
ЯПОНСКИЙ МУДЖАХИД



История человека, который сказал: Бог один

Джамиль Аль Атырауи

Японский Муджахид

«Автор»
2026

Аль Атырауи Д.

Японский Муджахид / Д. Аль Атырауи — «Автор», 2026

Меня зовут Сэйки Куро. Я был учеником Саида Дзигоку — человека, который вернулся с моря с истиной.Он не был воином. Он не поднимал меч. Он предлагал чай даже тем, кто приходил его убить. Он говорил: «Бог один» — в стране, где идолов было слишком много. И за эти слова его убили.Я поклялся отомстить. Я собрал людей. Я объявил войну сёгунату.Но чем дальше я иду, тем чаще вспоминаю его слова: «Не плачь слишком долго. Я не люблю, когда обо мне плачут».Это история о том, как трудно быть верным тому, кто учил тебя прощать.

© Аль Атырауи Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Джамиль Аль Атырауи
Японский Муджахид

Пролог

«Человек, который вернулся с моря»

Нагасаки, лето 1639 года

Дождь шёл третий день.

Он барабанил по черепичным крышам квартала Маруяма так, будто хотел смыть сам город в бухту. Вода стекала по деревянным желобам, собиралась в лужи у порогов и отражала фонари, которые ещё не успели зажечь. Воздух пах солью, гниющими водорослями и мокрой землёй.

Шестнадцатилетний Кэнтаро сидел на корточках под навесом рыбной лавки отца и чистил ножом бамбуковую палку — просто чтобы чем-то занять руки. Торговля в такую погоду умирала. Рыба портилась быстрее, чем её успевали продать. Отец ворчал, что голландцы на Дэдзиме опять не вышли на торг, а значит, и денег не будет.

— Слышал? — прошептал соседский мальчишка, Тору, подсаживаясь рядом. — Вчера ночью в порту видели человека. Не нашего. Не голландца. Вообще непонятно кого.

— Ниндзя? — усмехнулся Кэнтаро.

— Дурак. Какие ниндзя. Он в странной одежде. И у него книга. Большая. Кожаная.

Кэнтаро перестал строгать. В Нагасаки, единственном окне Японии в мир, можно было увидеть много странного. Но книгу? Кожаная книга была редкостью даже у богачей. А уж у «непонятно кого» из порта — тем более.

— И где он сейчас?

— Говорят, у старого склада за мостом. Только туда лучше не ходить. Отец сказал, если увижу — бежать домой и молчать.

Кэнтаро посмотрел на дождь. Потом на нож в руке. Потом на Тору, который уже жалел, что сказал.

— Я быстро, — сказал он.

Мост был скользкий. Доски прогибались под ногами. Кэнтаро шёл вдоль стены склада, прижимаясь к мокрому дереву, и старался дышать тише.

У самого дальнего склада, под навесом, где обычно прятались от дождя бродячие собаки, сидел человек.

Он не двигался. Сидел на коленях, выпрямив спину, и его ладони лежали на бёдрах. Глаза были закрыты. Дождь стекал по его лицу — по лбу, по носу, по подбородку, — но он не вытирался. Будто не замечал.

Одежда на нём была странная: длинный светлый халат, широкие штаны, на голове — небольшая шапочка без полей. Не голландская, не китайская, не японская. Чужая.

Рядом с ним, завёрнутая в промасленную ткань, лежала книга. Толстая. Кожаный переплёт потемнел от влаги.

Кэнтаро замер. Он не знал, почему не ушёл. Может, из-за книги. Может, из-за того, как этот человек сидел — так, будто мир вокруг перестал существовать.

Прошло несколько минут. Человек открыл глаза.

Он посмотрел прямо на Кэнтаро — не удивился, не дёрнулся, просто посмотрел. У него были уставшие глаза. И очень спокойные.

— Ты стоишь там уже давно, — сказал он. По-японски. Чисто. С лёгким акцентом, будто давно не говорил на родном языке. — Тебе холодно?

Кэнтаро хотел убежать. Но ноги не слушались.

— Кто вы? — выпалил он.

Человек помолчал. Потом взял книгу, положил её на колени и провёл ладонью по переплёту.

— Меня зовут Саид, — сказал он. — А раньше звали Сидзи. Сидзи Дзигоку. Из Нагасаки.

Кэнтаро моргнул. Дзигоку? Он знал эту фамилию. Старый торговый род, который когда-то держал лавки у самого порта. Говорили, что их сын ушёл в море и не вернулся. Лет десять назад, может, больше. Все решили, что он утонул.

— Вы... вернулись? — спросил Кэнтаро.

— Вернулся, — кивнул Саид.

— Из-за книги?

Саид посмотрел на него внимательнее. И впервые за всё время чуть улыбнулся — уголками губ, почти незаметно.

— Из-за того, что в ней, — сказал он. — И из-за того, чего в Японии нет.

— А что там?

Дождь усилился. Где-то в порту закричала чайка. Саид поднял голову, посмотрел на серое небо, потом снова на мальчика.

— Там слова, — сказал он тихо. — Слова, которые я учил двадцать лет. Я знаю их наизусть — все до единого. Но здесь их никто не слышал. Здесь люди молятся камням и духам, а я знаю, что есть только один Бог. И я не могу молчать.

Кэнтаро не понял половины слов. Но он понял главное: этот человек не боялся. Совсем. И это было страшнее всего.

— Вам нельзя здесь оставаться, — сказал он. — Если узнают, что вы говорите... про чужих богов... вас убьют.

Саид посмотрел на него долгим взглядом. Потом встал — медленно, опираясь на колено. Он был высокий. И худой, как человек, который долго шёл.

— Я знаю, — сказал он. — Но я вернулся не для того, чтобы жить долго. Я вернулся, чтобы успеть.

Он взял книгу под мышку и пошёл прочь — в дождь, вдоль складов, к узким улочкам, где начинался настоящий город.

Кэнтаро смотрел ему вслед, пока фигура не растворилась в серой пелене.

А потом побежал домой — и всю ночь не мог заснуть, думая о человеке, который вернулся с моря, чтобы говорить слова, которых здесь никто не ждал.

Пять лет спустя

Кэнтаро исполнилось двадцать один. Он уже не чистил бамбуковые палки — он работал в порту, таскал тюки с голландского корабля и иногда слышал краем уха разговоры, которые раньше пропустил бы мимо.

О Саиде Дзигоку говорили всё чаще.

Сначала шёпотом. Потом громче.

Говорили, что он собирает вокруг себя людей. Что он учит их молиться иначе — не духам, не предкам, а невидимому Богу. Что он не ест свинину и не пьёт сакэ. Что он знает наизусть книгу, которую никто, кроме него, не может прочитать.

Говорили, что он опасен.

А в один из дней — сырой, туманный, как тот самый первый — Кэнтаро стоял у моста и увидел, как по улице идёт человек в светлом халате. Он не прятался. Шёл открыто, и люди расступались перед ним.

Саид Дзигоку.

Он остановился на углу, поднял руку — и заговорил. Громко, чётко, на чистом японском:

— Люди Нагасаки! Я вернулся с моря, чтобы сказать вам: есть только один Бог. И он не в камне, не в дереве, не в реке. Он — над всем. И я пришёл, чтобы вы услышали это, пока ещё есть время.

Толпа замерла.

Кэнтаро почувствовал, как у него по спине пробежал холод — не от дождя.

Где-то за спиной, в переулке, скрипнула дверь. И человек в тёмном кимоно, с двумя мечами у пояса, медленно вышел на улицу.

Саид продолжал говорить.

А Кэнтаро понял: теперь уже точно ничего не будет как прежде.

Конец пролога.

Глава 1

«Чай для убийцы»

Нагасаки, квартал Ситику, осень 1644 года

Дом стоял на краю квартала, где улицы сужались так, что двум телегам было не разъехаться. Деревянные стены потемнели от времени и влаги, черепица поросла мхом. Соседи давно привыкли: живёт странный человек, ни с кем особо не знается, но здоровается вежливо, а по утрам, когда ещё темно, во дворе его слышно тихое бормотание — будто воду переливает.

Никто не спрашивал, что он делает. В Нагасаки лучше не спрашивать.

Саид Дзигоку проснулся до рассвета, как всегда. Омылся холодной водой из кадки во дворе — вода обожгла кожу, но сон сняло мгновенно. Расстелил маленький коврик, обращённый не к востоку и не к югу, а в сторону, известную только ему одному, и встал на него.

Молитва шла тихо. Он давно научился произносить слова так, чтобы они оставались внутри — не вырывались за стены, не долетали до чужих ушей. Пять лет он жил с этим умением: молиться шёпотом, говорить громко только тогда, когда решался говорить громко.

Сегодня он решился.

Вчера на базаре он встал на ящик из-под рыбы и сказал людям то, что говорил уже много месяцев подряд. Слова были простые: есть один Бог. Не камни, не предки, не духи рек — один Бог, и он ближе, чем собственная жила на руке. Люди слушали. Кто-то крестился по-буддийски, кто-то просто смотрел, а один старик долго стоял потом у прилавка с солёной рыбой и повторял одними губами: «Один Бог... один Бог...»

Саид знал, что это значит. Знал, чем заканчиваются такие слова в стране, где за веру убивают.

Он закончил молитву, сложил коврик, сел на пятки. За окном начинало светлеть. Где-то пропел петух — хрипло, надрывно, как будто простудился.

И тогда он услышал.

Не шаги. Шаги он бы услышал. Он услышал, как скрипнула половица — не под ним, а за стеной. В сенях.

Саид не двинулся. Только медленно выдохнул, и его ладони, лежавшие на коленях, расслабились — хотя в груди всё сжалось тугим узлом.

Дверь отъехала в сторону без звука. В проёме стоял человек.

Он был в тёмном кимоно, подпоясанном так, чтобы не цеплялось за мебель, штаны заправлены высоко, на ногах — таби, чтобы ступать бесшумно. Лицо наполовину скрыто в тени, но Саид видел глаза: спокойные, оценивающие, без злобы. Так смотрит не убийца, которому нравится убивать. Так смотрит человек, которому заплатили.

В правой руке у него был короткий меч. Не катана — та в узком доме бесполезна. Короткий меч, чтобы работать вблизи.

— Доброе утро, — сказал Саид.

Человек не ответил. Он сделал шаг внутрь и прикрыл за собой дверь — тоже бесшумно. Профессионал. Не новичок.

Саид посмотрел на меч. Потом на лицо убийцы.

— Ты пришёл рано. Я ещё не поставил воду. — Он кивнул на маленькую жаровню в углу комнаты. Чугунный чайник стоял на ней, холодный. — Но если подождёшь немного, я заварю чай. У меня есть хороший лист. Привозной, из Дэдзимы.

Человек прищурился. Впервые за всё время в его глазах мелькнуло что-то похожее на недоумение.

— Ты знаешь, зачем я здесь.

— Знаю. — Саид кивнул. — Мне сказали, что за мной придут. Я ждал. Просто не знал, когда именно. — Он перевёл взгляд на жаровню. — Чай не помешает. Садись.

Человек не сел.

— Не садись, — согласился Саид. — Понимаю. — Он поднялся с колен — медленно, чтобы не было резких движений. — Тогда хотя бы скажи: тебе заплатили вперёд или по факту?

— Вперёд.

— Хорошо. Значит, тебе не нужно торопиться. — Саид подошёл к жаровне, взял кремень и трут, начал высекать огонь. — Как тебя зовут? Настоящее имя не нужно. Скажи любое.

Человек молчал. Меч в его руке не двигался.

— Тогда я буду звать тебя Гость, — сказал Саид. — Гость, отложи меч. Я не буду драться. Я не воин. Я не подниму руку на человека, который просто делает свою работу.

Огонь занялся. Саид поставил чайник на жаровню и подождал, пока вода начнёт нагреваться.

Убийца смотрел на него, и в этом взгляде было что-то, чего он, видимо, не ожидал. Не страх. Не мольба. Спокойствие — такое глубокое, что оно раздражало больше, чем крик.

— Ты не боишься, — сказал он наконец.

— Боюсь, — ответил Саид, не оборачиваясь. — Ещё как боюсь. У меня есть дело, которое я не закончил. Есть люди, которым я нужен. Есть слова, которые я ещё не сказал. — Он повернулся. — Но страх не отменяет того, что должно случиться. Он только мешает видеть.

— Видеть что?

Саид посмотрел ему прямо в глаза.

— Тебя.

Чайник начал шуметь. Саид взял с полки две чашки — простые, глиняные, с трещинкой на одной из них. Засыпал лист. Залил водой. Пар поднялся к потолку, и в комнате запахло чем-то тёплым, сладковатым, чужим.

— Ты пришёл за моей головой, — сказал Саид. — Она здесь. — Он коснулся рукой шеи. — Но сначала выпей чаю. Не из уважения ко мне. Просто потому, что после чая убивать труднее.

Человек не двинулся.

— Ты думаешь, что знаешь, кто я, — сказал он тихо. — Ты не знаешь.

— Знаю достаточно, — ответил Саид. — Ты человек, который делает то, что ему велели, потому что иначе не проживёт. Я не сужу тебя. У меня тоже когда-то был выбор — и я его сделал. — Он поставил чашку на пол, между ними, и отступил на шаг. — Пей. Или не пей. Но не стой в дверях, как вор. Если уж пришёл — входи.

Что-то дрогнуло в лице убийцы. Едва заметно. Он сделал шаг вперёд — и меч в его руке поднялся.

Саид не отступил.

— Я не сдвинусь с места, — сказал он. — Можешь бить. Но знай: ты убьёшь человека, который не поднимет на тебя руку. Это не честь. Это просто то, как я живу.

— Мне заплатили, — сказал человек.

— Знаю.

— Мне нужно.

— Знаю.

— Тогда почему ты не защищаешься?!

Саид улыбнулся — впервые за всё утро.

— А ты бы защищался, если бы знал, что за дверью тебя ждёт нечто большее, чем меч?



Убийца замер. Он не понял — и это было видно по лицу. Он привык к жертвам, которые бегут, молят, плачут, тянутся к оружию. Но не к таким.

Он рванулся вперёд.

Саид ждал этого. Он не был воином — но годы в портах Аравии научили его одному: убийцы всегда бьют с правой руки. Человек в тёмном кимоно сделал выпад, и Саид отступил — не назад, а в сторону, вправо, и меч прошёл мимо, разрезав воздух там, где секунду назад была шея.

Саид перехватил его запястье. Не сильно — он знал, что не сильнее. Но достаточно, чтобы изменить направление удара. Второй рукой он толкнул убийцу в плечо — и тот потерял равновесие. Меч звякнул об пол.

Они упали оба. Сцепились. Человек был сильнее, моложе, злее. Он ударил Саида в лицо — раз, другой. Саид почувствовал вкус крови. Но он продолжал держать запястье — и медленно, шаг за шагом, направлял руку убийцы обратно, к нему самому.

— Не надо, — прошептал он. — Не надо.

Человек не слушал. Он рванулся ещё раз — и Саид, наконец, отпустил его руку.

Меч был между ними. Убийца схватил его первым.

Но в этот момент Саид сделал то, чего тот не ожидал: он не отпрянул, не закрылся. Он посмотрел ему прямо в глаза — и сказал:

— Я прощаю тебя.

Рука дрогнула.

Одно мгновение — и всё решилось. Убийца отшатнулся — не назад, а в сторону, — и его собственный меч, который он держал слишком низко, вошёл ему в бедро. Он вскрикнул. Кровь залила татами.

Саид поднялся. Тяжело дыша, вытирая кровь с разбитой губы, он подошёл к человеку и опустился рядом на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.